

Михаил Синельников

Знамя, 1978, 5

Восхождение к трудному

Проза Анатолия Иванова — трудная проза. Когда читаешь его романы, когда размышляешь над ними, не однажды поражаешься тяжести груза, который писатель взваливает на себя. Об Анатолии Иванове мало сказать, что он не избегает сложных, «запутанных» человеческих судеб, жестоких конфликтов, предельных ситуаций. Дело обстоит несколько по-иному: романист сам идет им навстречу, с азартом в них погружается, жаждет говорить о них все без утайки. И добро бы еще такой нелегкий материал составлял какую-то меньшую часть повествования, а в других, больших частях читатель мог бы, что называется, отдохнуть душой. Нет, такого в романах Иванова не бывает, для отдыха, для элегического настроения они поводов не дают. И вот эта неустанность, неумоимость в изображении тяжкого и поражает прежде всего: воистину, нелегкая ноша, ох как непросто автору справиться с нею!..

Анатолий Иванов справляется. Не оттого, что как-то сверхмерно напрягая силы, «заставляет» себя писать именно так, не иначе, а просто оттого, что доверяет себе, своему художническому дару. В этом суть. Когда я говорю о трудности задач, которые стремится решать Иванов, я, разумеется, далек от мысли возвести его насыщенные драматизмом книги на некое возвышение — над книгами иного плана, иного ряда. Моя цель — подчеркнуть яркую индивидуальность писателя, своеобычность его таланта. Да, это художник остро-драматического, трагедийного склада. Так он видит мир, так пишет о нем.

«Повитель» — название романа, принесшего (после публикации в «Сибирских огнях» в 1958 году) известность молодому тогда писателю. Повитель, или повилика, — растение-паразит, пьющее соки из других растений, душащее их. Упоминание о нем в книге имеет метафорический смысл: с ним сравнивается тлетворная жажда собственности. Разоблачение собственности, показ полнейшей несовместимости его с законами новой жизни — такова была цель автора, повествовавшего о сибирской деревне, о трех поколениях семьи Бородиных. В следующем крупном произведении, романе «Тени исчезают в полдень» (1963), писатель вновь исследует психологическую природу тех, кто враждебен советскому строю, отравлен уродливой моралью прошлого. Рамки исследования здесь расширяются: в поле зрения Иванова — люди, не просто разьедаемые тоской по волчьим старым порядкам, но активные враги, оружием, изощренной жестокостью пытавшиеся помешать народному делу, а потом затаившиеся, ставшие оборотнями; любые средства и прежде всего силу религиозного фанатизма используют они, чтобы сеять в душах семена ненависти, неверия в человека. Существенную роль играл в «Тенях...» мотив идейного противостояния двух лагерей в современном мире: романист показывал, как направляются из-за рубежа разлагающие действия сектантских мракобесов.

В третьем по счету романе Анатолия Иванова — «Вечный зов» — этот мотив противостояния стал одним из главнейших. Начиная повествование с истории трех братьев Савельевых, с картин жизни села Михайловки и поселка Шантары, писатель постепенно расширяет, множит русла, по которым идет действие. Панорама мира широко развернута им в пространстве и времени: в прологе первой книги говорится о борьбе большевиков с царским самодержавием, а эпилог романа заходит в шестидесятые годы; мы становимся свидетелями событий, происходящих не только в Сибири, не только у нас в стране, но и за ее пределами, в охваченной огнем войны Европе. Герои романа, советские люди, показаны, в частности, организаторами антифашистской борьбы в нечеловеческих условиях гитлеровских концлагерей, а молодой Семен Савельев, участвуя в движении Сопротивления в Норвегии, героической гибелью своей обрел бессмертие, стал легендарным «русским Савелием», олицетворением патриотизма и интернационального бескорыстия советского народа. Время Отечественной войны, которому отведена часть первой и вся вторая книга романа, рисуется Анатолием Ивановым прежде всего как время великих испытаний, доказавших беспримерную прочность советских начал жизни. Никогда и никому не добиться торжества морали, порожденной миром чистогана. Никогда не оплести повителя собственничества деревенских человеческих отношений, возвращенное свободным народом и уходящее корнями в его лучшие трудовые традиции, его историческую память.

Из непримиримых столкновений, порожденных противоречиями времени, истории, и рождается прежде всего драматизм прозы Анатолия Иванова. И совсем не случайно, думается, совершалось движение внутри «романного творчества» писателя: от истории семьи, запечатленной в «Повители», через более обширное историко-бытовое повествование в «Тенях...» — к огромному по размаху роману-панораме, каким является «Вечный зов». Я употребил выражение «романное творчество», поскольку у Иванова есть еще и рассказы и отличная (и также исполненная драматизма) повесть «Жизнь на грешной земле». Но, конечно, именно по романам следует прежде всего судить об этом прозаике, вся работа которого отмечена тягой к эпическому.

Жанр панорамного романа — явление примечательное в современной советской литературе; оно обусловлено углублением исторического знания, потребностью охватить мир в его противоречивой целостности, в динамике коренных социальных изменений. Автор «Вечного зова» наряду с другими прозаиками внес свой вклад в решение этих весьма сложных задач. Достигнуть абсолюта здесь, само собой разумеется, нелегко; есть в «Вечном зове» свои просчеты, есть небезобидные «сбои» мысли, нечеткость художественных обоснований (об этом мне уже приходилось говорить в печати). В целом же итог многолетнего труда писателя значителен. И недаром так широк читательский интерес к роману. Он возник по выходе первой книги, опубликованной в журнале «Москва» в 1970 году и удостоенной затем Государственной премии РСФСР. Его новая волна связана с публикацией в 1976 году (в той же «Москве») второй, заключительной книги. Отзывчивую зрительскую аудиторию (знаю это по многим свидетельствам) собрал недавно показанный Центральным телевидением многосерийный фильм по «Вечному зову» (пока вобравший в себя в основном события первой книги) — на мой взгляд, один из удачных опытов перевода крупного, многопланового прозаического произведения на язык телеэкрана.

Драматические конфликты века, как бы важны они ни были, не затронут тем не менее за живое, если сами не будут «вживлены» в плоть и кровь персонажей. Анатолий Иванов, как и подобает художнику-психологу, показывает общее через частное, индивидуальное. Его характеры, как правило, необычны, крупны.

В романе «Тени исчезают в полдень» есть такой эпизод. Захар Большаков, председатель колхоза, разговаривает доверительно с одним из близких ему односельчан о другом односельчанине, Устине Морозове. Благообразен, добропорядочен Устин. Но чувствует в нем Захар какую-то фальшь, чувствует, как вдруг промелькнет у Устина в жесте ли, в улыбке что-то злое, страшное, тщательно сокрытое от людей. «С чудинкой человек», — говорит Захару собеседник. «Да-а», — отвечает в раздумье Захар, — у каждого из нас своя чудинка. Иначе тихая жизнь была бы, как стоячее болото. Только, когда не понятно, что за чудинка, отчего она, — беспокожно как-то».

Анатолий Иванов подобно своему герою хорошо представляет себе ценность в жизни яркого, неординарного. Но так же, как герою, ему важно постичь, «что за чу-

динка, отчего она»; он стремится выявить и объяснить общественно значимую, социальную суть человеческого поведения. Кстати, что касается Устина, то тут интуиция не подвела Захара Большакова (хотя и не помогла ему вовремя — не было фактов и улик): Морозов и его жена Пистимея оказались заклятыми врагами новой жизни, из прошлого за ними тянется кровавый след...

У Иванова много глубоких, емких проникновений в душу героев. И в «Тенях...», и в «Повители», где психологический рисунок слабодушного и одновременно жестокого Григория Бородина выполнен, быть может, с наибольшей во всей прозе писателя цельностью, и в «Вечном зове». Приведу более или менее подробно лишь один пример, один эпизод из этого романа. Он касается судьбы Федора, среднего из братьев Савельевых — точнее, самых еще истоков этой судьбы. Федор, подросток, взят в услужение к кушцу Кафтанову, полновластному хозяину здешних мест. Кафтанов благоволит к пареньку, оказывает ему знаки расположения. В душе Федора поселяется еще и не до конца осознаваемая им надежда на будущую хорошую жизнь: семья Савельевых достатком никогда не отличалась, Федор же не раз мечтал о лучшей участи... Но вот случается непредвиденное. На той самой Огневской заимке, куда заваливается «гулять» пьяный Кафтанов и где служили Федор и его отец, вдруг появляется старший из братьев, Антон, большевик-подпольщик. Он ранен, бежал из тюрьмы. Родные оставляют его здесь же, на заимке. Между тем объявлен розыск беглеца. Полиция подозревает Савельевых в укрывательстве. Наступают тревожные, страшные дни...

Как пронизательно, многозначно описано Ивановым душевное состояние, в котором пребывает Федор! Он страстно желает, чтобы брата не нашли. Конечно, потому, что это брат. Но в не меньшей степени и потому, что боится потерять расположение Кафтanova. Найдут Антона — конец всем мечтам: «тогда-то уж точно будет известно, что знал я про Антона». Не найдут, «уберется Антон» — и подозрения забудутся. Федор и о мужестве отца думает с тем же потребительским оттенком: «...еще обойдется, может. Батка — тот, режь, не скажет...» А ко всему этому добавляется и разгорающаяся ненависть к Кафтанову — нет, не оттого, что он мироед, а оттого, что заподозрил Федора, начал не доверять ему, и тоска от мысли, что кончается его, Федора, привольная жизнь на заимке: «Если бы не Антон... весь дом полыхал бы окнами, гремели бы песни... хохот...»

Нет, Федор не выдал брата, у него и мысли подобной не возникло. Его предательство совершилось тридцать лет спустя, во время войны, когда он, спасая свою жизнь, перешел к немцам, стал карателем. Но живая картина потаенных, сокровенных чувств, нарисованная автором романа, с неотразимой убедительностью говорит нам о ростках эгоизма, холодной расчетливости, для которой уже тогда, в юности, мало что было свято; говорит о качествах, действительно способных порождать самые низкие и позорные поступки.

Очень интересно в «Вечном зове» сопоставление Федора и младшего его брата Ивана, проходящее через обе книги романа. Биография Ивана омрачена пребыванием в белогвардейской банде, куда попал он по молодости лет. Иван не только понес справедливое наказание за это: он казнится душой, понимая, что, пусть и случайно, не по убеждению, но пошел против народа. Весь дальнейший путь Ивана — это путь навстречу людям. Не все гладко складывается у него, но Ивану удается утвердиться на таком пути. Сама окружающая его действительность, жизнь, организованная по законам социалистической нравственности, помогают в этом герою романа. Много внимания уделено Ивану во второй книге. Мы становимся свидетелями его самоотверженных, геройских действий на фронте, за которые солдат получает орден Ленина. В послевоенные годы Ивана Савельева избирают председателем колхоза, он принят в партию...

Что же до Федора, то он в гражданскую был лихим красным конником, сражался с кафтановской бандой. Потом работал в МТС комбайнером, ходил в передовиках...

О чем хочет сказать Анатолий Иванов, так круто поворачивая судьбу братьев? Что скрыто за этим драматическим заострением? Прежде всего мысль о глубокой человечности, гуманности революции. Федор, хоть и оказался он в стане красных, по существу, революции чужд — чужд потому, что безмерно эгоистичен, жесток. Накреп-

ко врезается в память читавшего «Вечный зов» сцена, где Федор в пылу боя тянется пашкой к десятилетнему сыну белогвардейского офицера, лишь чудом не совершив бессмысленно жестокого убийства. Наверняка запоминается и то, как мрачно-тяжел Федор в общении с людьми уже в мирное, колхозное время, как отчужден от всего доброго, что входит в жизнь... Вот они, слагаемые, объясняющие в конечном счете страшное падение, которым завершил свой путь Федор, сознающий, что доживает «жизнь путаную, не нужную ни ему самому, ни жене Анне, ни детям, ни земле, на которой он родился».

Роман утверждает: нельзя служить революции без убежденности и нравственной чистоты, нельзя сохранить связь с народом без чувства гуманности, любви к людям.

...Да, много тяжкого, обнаженно-жестокое в книгах Иванова. Но при этом властно звучит в них мотив добра, точнее сказать, мотив защиты добра. Близкие автору герои — это люди, смотрящие на мир светло и открыто, люди, способные прийти на помощь другому.

Этим качествам учит их жизнь, советская жизнь. Устин Морозов недаром удивлялся, негодовал: уж больно узкое поле деятельности остается для таких, как он, для воплощения их черных замыслов. Не поддаются люди, не идут у него на поводу, когда затевает он интриги, хочет столкнуть колхозников между собой. Не я «измолотил» других, — говорит Устин, — «меня вымолотили...». И самое страшное для Устина то, что невозможно понять, «кто тебя и молотит». «Кабы кто-то один... я бы вырвал цеп-то да и... Или, по-нонешнему говоря, самого в молотилку сунул ногами вперед. А тут... вроде никто по отдельности и весь мир сразу». И в «Тенях...», и в «Повителях», и в «Вечном зове» показано, что люди прошлого чаще всего не могут иметь опоры и продолжения даже в собственных детях. Это Семен, сын Федора Савельева, подвигом прославил свою Родину. Это Дмитрий, другой сын Федора, ставший поэтом, как бы аккумулирует в себе доброту, верность, одухотворенность родной земли...

Положительным героям в последнем романе уделено значительно больше внимания, чем в прежних книгах Иванова. Этого потребовал уже сам замысел: «широкоохватный» роман, конечно же, предполагает более соразмерное соотношение персонажей разного плана, меньшую в этом смысле избирательность. И еще причина: изображение Великой Отечественной войны. С момента, когда война входит в действие романа, значительно усиливается его героическое звучание. Как своего рода камертон, выверяющий всю нравственную тональность повествования, воспринимаются, скажем, такие «фронтовые» главы, как рассказ о героическом танковом экипаже Дедюхина, или главы о самоотверженном труде рабочих и жителей Шантары по скорейшему вводу в строй эвакуированного сюда завода — он должен выпускать боеприпасы.

...Авария случилась ночью. Загорелся столярный цех, опасность угрожает складу с взрывчаткой — и тогда катастрофа. Решали мгновения. Директор завода бросился к трансформаторной будке — отключить ток, чтобы не загорелись провода в складе. Он знал, на что идет, — без электрозащиты, мокрый, прижал ломом все рубильники разом. Чтoб уже наверняка.

Так погиб Антон, старший из братьев Савельевых, спустя много лет вернувшийся в родные места в качестве директора оборонного завода, выполняя партийное поручение, ставшее в его жизни последним. Подвиг Антона поистине символичен: рабочий, коммунист, человек-факел, он и сгорает заживо во имя народного дела, народного счастья.

Надо сказать, что символичность, укрупненность как черта художественного стиля вообще присущи Иванову — при неизменном стремлении реалистически объяснить поведение персонажей. Но если прежде это относилось главным образом к персонажам — носителям зла, то в «Вечном зове» такими укрупненными видятся и фигуры положительных героев. Помимо Антона Савельева, помимо Семена, это еще и секретарь райкома партии Кружилин, и председатель колхоза Панкрат Назаров. Последний нарисован писателем особенно колоритно: это самородок, истинный крестьянский вождь, с достоинством и страстью работающий для людей, преодолевающий, казалось бы, невозможное в отчаянно трудные военные годы, в страшную бескормицу, поразившую этот край в сорок третьем...

Творчество Анатолия Иванова — в движении. Он хорошо доказал это «Вечным зовом», произведением, которое не только продолжило плодотворные тенденции его прежних книг, но и поставило писателя перед необходимостью решать качественно новые, очень серьезные задачи. Не приходится сомневаться, что и в дальнейшем Анатолий Иванов отнюдь не будет облегчать себе путь в литературе. Овладение мастерством — процесс нескончаемый. И, наверное, автор «Вечного зова» сознает, что в этой его большой работе не все удалось в равной мере. Иванову особенно близка стихия прямого, конкретного изображения: тут конфликты его книг, как правило, наполняются упругой силой. И менее живыми, к сожалению, получаются те страницы, где писатель не показывает, а рассказывает, размышляет, итожит. В последнем романе естественно более частое, чем раньше, обращение именно к этим формам повествования. Найти необходимое сочетание «рассказа» и «показа», сделать более органичными связи между этими двумя компонентами — вот, думается, одна из задач А. Иванова как художника.

Завершая этот небольшой очерк творчества писателя, хочу обратиться к одному из сравнительно недавних публицистических его выступлений — к заметкам, опубликованным в «Правде» 26 июля прошлого года, в дни обсуждения проекта новой Конституции. Есть в этих заметках мысль, имеющая, как мне показалось, непосредственное отношение к существу нашего разговора. А. Иванов пишет о том, что, когда заходит речь о социальных достижениях советского строя, то, по справедливости, в первую очередь упоминается растущий жизненный уровень, бесплатное образование и медицинское обслуживание. «А, скажем, хорошее настроение людей — это революционное завоевание?» — задает вопрос писатель. И дальше рассказывает, как «побывал в Донецке, в той когда-то печально знаменитой бывшей Юзовке, шахтеры которой слыли самыми нищими из всех угольщиков царской России». Радостные, открытые лица, улыбки — вот что прежде всего бросается в глаза в сегодняшнем Донецке, в шахтах, повсюду, где писатель встречался с горняками. «Песенная профессия... И романтическая», — говорит один из шахтеров. И это несмотря на то, что еще много проблем, что труд здесь пока не из легких... «Но раз у людей улыбки на лицах — значит, им хорошо работается. А это и есть одно из высочайших завоеваний социализма».

Для того, чтобы людям труда счастливо жилось и работалось, чтобы радостью был отмечен каждый день их бытия, необходима была борьба — тяжелая, мужественная, самоотверженная.

Об этой великой борьбе во имя человеческого счастья и рассказывают романы Анатолия Иванова.

Знамя, 1978, № 5